

УДК 398.22 (=512.157)(091)
DOI 10.25587/SVFU.2020.17.58364

А. Н. Варламов

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА ЭПИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ ЯКУТИИ

Аннотация. В статье, посвященной актуальной проблеме взаимосвязи эпоса и этнической истории, анализируется сходство и отличие эпических традиций этносов, исторически объединенных территориальной общностью. На примере эпического наследия народов Якутии исследуется жанровая специфика и взаимосвязь фольклорных традиций с этнической историей. Для решения поставленных задач автором избрана наиболее перспективная междисциплинарная методика в изучении фольклорного историзма. В результате анализа, автор приходит к следующим выводам:

Эпическое творчество народов Якутии обладает высокой степенью историзма, существенно отличаясь своей внутрижанровой спецификой. Разнообразие и уникальность эпических традиций народов Якутии обусловлено, с одной стороны, отличием исторического пути и этногенеза каждого из этносов, с другой, существенно различающимися этнографическими и мировоззренческими традициями. Для эпических традиций юкагиров характерен жанровый синкретизм мифологии и повествовательного жанра, в котором, с одной стороны, отображены ранние этапы этнической истории, с другой – этногенетические и межэтнические контакты на позднем этапе исторического развития. В эпосе долган отчетливо прослеживаются фольклорные традиции олонхо и нимнгакана, что является отражением исторического процесса этногенеза долган на территории Якутии и Таймыра. Эпос эвенов и эвенков имеет общий генезис, отличаясь в стадийном развитии художественного слова. Эпические традиции двух родственных народов являются прямым отражением этнической истории – общей на ранних этапах этногенеза и отличающейся в позднее историческое время. Олонхо является художественной формой повествования об историческом пути носителей южной скотоводческой культуры, сумевших успешно адаптироваться в условиях нового северного ландшафта. Эпические традиции народов Якутии, в соответствии с законами фольклорного жанра, являются отражением разных этапов этнической истории, в т. ч. культурного и межэтнического взаимодействия народов в процессе совместного исторического развития на общей территории.

Работа представляет интерес для исследователей фольклора, чьи научные интересы охватывают проблематику историзма фольклора, а также эволюции эпического жанра. Также результаты исследования будут полезны для специалистов по истории и этнографии народов Якутии.

Ключевые слова: эпический историзм, историзм фольклора, эвенкийский эпос, нимнгакан, история эвенков, эвенский эпос, эвенский миф, нимкан, история эвенов, эпос юкагиров, юкагирский миф, история юкагиров, эпос долган, история долган, эпос саха, олонхо, прародина саха, история саха.

А. N. Varlamov

Historical poetics of epic heritage of peoples of Yakutia

Abstract. The article, which is dedicated to the topical issue of the relations between the epic and epic stories, analyzes the similarities and differences of epic traditions of ethnic groups, historically united by one territory. On the example of the epic heritage of peoples of Yakutia, the genre specifics and interrelation of folklore traditions with ethnic history were researched. The most forward-looking interdisciplinary methodology was chosen to meet the challenges in exploring the folklore historicism. As a result of analysis, the author came to the following conclusion:

ВАРЛАМОВ Александр Николаевич – д. филол. н., с. н. с. отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия.

E-mail: ataki2006@yandex.ru

VARLAMOV Alexandr Nikolaevich – Doctor of Philological Sciences, Senior Researcher of North Philology Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Yakutsk, Russia.

E-mail: ataki2006@yandex.ru

The epic creations of peoples of Yakutia possess a high extent of historicism, which is their intra-genre specificity. A diversity and uniqueness of epic traditions of peoples of Yakutia are due to the two reasons. Firstly, a difference of historical way and ethnogenesis of each ethnic group. Secondly, different ethnographic and worldview traditions. The epic traditions of the Yukagirs are characterized by the genre syncretism of mythology and narrative genre. On the one hand, with such syncretism, the earliest stages of ethnic history are represented, on the other – the ethnogenetic and interethnic contacts on the last stage of historical development. In the Dolgan epic, the folklore traditions of olonkho and nimngakan are traced, which is a reflection of historical process of ethnogenesis of the Dolgans on the territory of Yakutia and Taimyr. The epics of the Evenki and the Evens have common genesis, differing in the stage development of the folklore. The epic traditions of two related peoples are a reflection of ethnic history – common on the earliest stages of ethnogenesis and differing in the later historical time. Olonkho is an artistic form of narrative about historical way of carriers of southern cattle breeding, who were able to adapt to the conditions of new northern environment. The epic traditions of peoples of Yakutia, in accordance with the laws of folklore genre, reflect different stages of ethnic history, cultural and interethnic interrelation of peoples in process of joint historical development on the common territory.

The article is of interest to the researchers of folklore, specializing in issues of folklore's historicism and evolution of the epic genre. Also, the results of research can be useful for specialists of folklore and ethnography of peoples of Yakutia.

Keywords: epic historicism, historicism of folklore, Evenki epic, nimngakan, Evenki history, Evens epic, Evens myth, nimkan, Evens history, Yukagir epic, Yukagir myth, Yukagir history, Dolgan epic, Dolgan history, Sakha epic, olonkho, ancestral home of the Sakha, Sakha history.

Введение

Эпический историзм является сложным культурным явлением, которое следует рассматривать через призму специфики эпического жанра, его художественной составляющей и связанными с ней жанровыми закономерностями. Важнейшие этапы этнической истории находят отражение в эпосе в соответствии с законами жанра и культурными традициями этноса. Эпический жанр каждого этноса имеет свои специфические черты. Так, русские былины и ненецкие *сюдбабц*, *ярабц* сближает жанровое смешение песенного и повествовательного фольклора, в калмыцком «Джангаре» и бурятском «Гэсэре» ярко представлена поэтика непосредственно эпического жанра, а отличительной спецификой «Калевалы» является зрелая поэзия мифологии. Все многообразие эпического жанра обусловлено исторической спецификой каждого этноса, его привязанностью к тому или иному ландшафту, числом исторических этнокультурных контактов и другими факторами. Исследование жанровой специфики эпических текстов способно прояснить важнейшие эволюционные явления и культурные приобретения, сопровождавшие историческое развитие того или иного этноса.

Обращаясь к эпическому творчеству народов Якутии, исследователь, в первую очередь, может убедиться в разнообразии и уникальности эпических традиций саха¹, эвенков, эвенов, долган и юкагиров. Это обусловлено, с одной стороны, отличием исторического пути и этногенеза каждого из этносов, с другой, существенно различающимися этнографическими и мировоззренческими традициями. В своей эволюции эпический жанр проходит последовательное развитие от архаического, мифологического состояния, постепенно трансформируясь в непосредственно эпос. Исторический генезис эпоса связан с мифом и его древней эпохой, что «обусловлено непрерывностью фольклорной традиции, восходящей к самым ранним ступеням племенной истории, сохранением значительных пережитков родового строя в быту и общественном сознании» [1, с. 1]. Архаика, наибольшая близость к мифологии обнаруживается в эпосе этносов, чей исторический путь продолжительное время происходил в условиях присваивающего хозяйства: «У сибирско-дальневосточного фольклора, особенно ранних формаций, весьма тесные и специфичные связи с древним общественным бытом, этническими традициями, ранними формами религии, материальной культурой и искусством» [2, с. 46-47]. Большинство народов, связавших свой исторический путь с производительным хозяйством, как правило, имеют более развитые художественные эпические традиции, где мифологическая основа проявляется в меньшей степени, а поэтика и музыкальная составляющая становятся яркой характерной чертой. Однако,

¹ Саха – самоназвание якутов.

от этого степень историзма в героическом эпосе не становится меньшей, воплощаясь в иной стадийной специфике исторической поэтики.

Развитие эпического жанра так же напрямую связано с числом этногенетических контактов этноса – чем сложнее происходил этногенез, чем большее количество этнических компонентов принимало участие в формировании этноса, тем богаче проявлялись эпические традиции в устном народном творчестве. В случае, когда важнейшие этнообразующие события происходили в сравнительно недавнее время, эпический жанр способен приобретать черты повествовательного фольклора, сочетающиеся с традициями древнего мифологического фольклора.

Эпос юкагиров – мифологическое повествование

Архаика эпического жанра отчетливо проявляется в эпосе юкагиров, имеющем выраженный мифологический генезис. Почти в каждом эпическом тексте юкагиров присутствуют традиции тотемизма – Ворониха указывает герою путь, а медведь, как символ первопредка, спасает жену и дочь героя от голодной смерти, провожает и указывает им путь, завещает исполнение обряда и обещает воскреснуть в потомках людей. Помимо распространенных культовых образов, в эпосе юкагиров присутствуют тотемы, не характерные для эпоса большинства других народов. Например, весьма распространен сюжет об обучении героя птичкой, которая помогает ему стать ловким и быстрым: «Схватив птичьего детеныша, тот человек сел [на землю]. Мать того птенца говорит:

– Не убивай моего детеныша, я буду тебя учить.

– Как будешь учить?

– Три года буду учить. Тогда через три года не будешь отставать от меня, начнешь меня догонять, станешь проворным, как я» [3, с. 202-203].

Некоторые эпические герои юкагиров предстают демиургами. Так, в тексте «Нираха», повествующем о сиротах брате и сестре, герои приручают оленя и создают орудия труда: брат изобретает нарту и верховое седло, сестра плетет силки, подсказывает брату, как сделать иглы из кости дикого оленя [3, с. 216-217]. Сиротство брата и сестры, в данном случае, представляет собой маркер первопредка, подобно одинокому герою в эпосе эвенков и др. сибирских народов. Вне сомнений, подобные эпические традиции являются отражением воззрений эпохи доисторического общества.

Вместе с тем, эпосу юкагиров свойственно специфическое жанровое смешение. Так, в цикле повествований об Эдилвее присутствуют жанровые признаки предания, мифа, сказки (незначительно) и, непосредственно, эпоса. Изначально эпический сюжет данного цикла сказаний основан на популярном мотиве повествовательного фольклора – мести за убийство родителей. По сюжету сказания родители героя убивают пришлые враги. Мальчик идет в поисках людей и находит старика, от которого узнает о своих врагах:

« – Дедушка, где люди, убившие моего отца?

– Э, они приходили по берегу моря, с правой от восхода солнца стороны. Придя, убивали людей. Так три раза приходили.

Эдилвей сказал:

– Все равно отыщу копье, лук моего отца, за ними пойду» [3, с. 128-129].

Признаки повествовательного фольклора в эпосе юкагиров проявляются также в присутствии современных этнонимов (юкагир-алаец, чукчи-чачинцы, ламуты, ламатканы), подробных географических сведений, соответствии сюжета историческим событиям – военное противостояние с чукчами и взаимобращение с эвенками: «Присмотревшись друг к другу, вот устроили совместное стойбище. Так и живут. Те стали просить дочь Эдилвея. Его сын сказал:

– Если насовсем здесь поселитесь, отдам мою сестру.

– Здесь будем жить, – сказали они.

Вот сосватали. Ламуты взяли половину оленей [Эдилвея]. С тем Эдилвеем вместе кочевали. Через несколько месяцев те люди сказали:

– Придется нам съездить на свою родину, скоро вернемся.

– Ну, если вернетесь – езжайте. Если не вернетесь – [потом] не обижайтесь. Где ваша родина?

– В верховьях Колымы. Там есть другая река, у ее истока [наша родина]» [3, с. 148-149].

Эпические традиции в данном цикле юкагирских сказаний проявляются в героической идеализации борьбы героя с враждебным племенем – юкагирский богатырь побеждает соперников в ходе разных испытаний и убивает врага в финале повествования: «После этого стали бороться. Эдилвей сказал:

– Сначала ты меня брось.

Тот силач вот стал [его] дергать – не смог пошевелить. Говорит:

– Давай ты.

Рванув на себя, Эдилвей, швырнул [его] вверх, дав пинка [Тот] свалился на камень. Там разбился, умер. [Эдилвей] перерезал [на его ногах] сухожилия» [3, с. 157, 159].

Сказочные мотивы проявляются в волшебной помощи жене героя со стороны старушки-юкагирики, украденной чукчами. По сюжету старушка помогает ей сбежать при помощи волшебных превращений – замораживает море, помогает женщине превратиться в горностая [3, с. 140-141].

Несмотря на достаточно сложное для восприятия состояние юкагирского эпоса, можно обозначить в нем специфическую степень историзма, которая выражается, во-первых, во взаимосвязи с мифологической эпохой первобытно-общинного строя, во-вторых, с этногенезом этноса на сравнительно поздних этапах истории. Для исторических реконструкций наиболее ранних стадий этногенеза юкагиров на основе мифологических мотивов и образов необходимы отдельные кропотливые исследования, подобные междисциплинарным работам Ю. Е. Березкина, привлекавшего в своих работах и сюжеты юкагирского фольклора [4]. Подобные исследования, вероятно, способны помочь ученым в решении дискуссионных вопросов, связанных с ранней историей юкагиров.

Во второй половине XX в. преобладало научное мнение, что генезис юкагиров мог быть связан с ымыяхтахской культурой, имевшей широкое распространение в бассейне р. Лены в позднем неолите [5, 6], однако, современные генетические исследования ставят под сомнение эту взаимосвязь [7, с. 451], предполагая под праюкагирами неолитических «сылахцев», живших 5-6,5 тыс. лет назад [8]. Некоторые исследователи связывают наиболее раннюю стадию этногенеза юкагиров (протоуральская) с еще более древней сумнагинской археологической культурой: «Именно в сумнагинское время закладывается прауральская основа языка и антропологического типа юкагиров» [9, с. 39]. Существует мнение, что группа древних уральцев, расселившись к востоку от Енисея, продолжила развитие в относительной изоляции, став основной генетического ядра юкагиров [10, с. 24].

Повествовательная специфика эпического наследия юкагиров подтверждает длительные традиции общего этногенеза, основанного на взаимобрачных традициях юкагиров с эвенками, о чем свидетельствуют этнографические труды. Так, В. А. Туголуков предполагал общность этногенеза эвенков и юкагиров на основе взаимодействия тунгусского и уральского компонентов [11, с. 216]. На общность этногенеза юкагиров с эвенками указывал В. И. Иохельсон [12]. Длительное военное противостояние юкагиров с чукчами, отраженное в эпических традициях, подтверждается сведениями исторических документов XVII-XVIII вв. [13].

Как видим, эпос юкагиров представляет собой неоднородное по жанровым признакам явление устного народного творчества, в котором преобладают черты мифологии и повествовательного жанра. Историческая специфика юкагирского эпоса проявляется в сочетании его особой «документальности» и мифологической основы эпохи первобытно-общинного строя.

Ырыалаак олонго – взаимодействие этнографических культур

Эпический историзм весьма своеобразно проявляется в устном народном творчестве долган. В эпическом жанре долган заметно сходство с эпическими традициями саха и эвенков. Общность эпоса долган и саха отчетливо проявляется в единстве знаковых персонажей, например, Эр-Соготоха, старухи Симэхсин или в сходстве образов пантеона божеств, например, образ Юрюнг Айыы Тойона. По мнению П. Е. Ефремова, долганские олонхо по своему генезису и содержанию восходят к якутским олонхо, сохранив в новой этнической среде первоначальное состояние [14, с. 39]. Общие эпические традиции долган и эвенков заметны в сходстве этнонимических характеристик героя: «поперечноглазый уранкай», «корень Среднего мира держащий» – распространенные описательные характеристики героя в эвенкийском и

долганском эпосе. Схожие признаки проявляются и в структуре и содержании зачина эпоса долган и эвенков, описывающего мифологически далекое время, «когда земля расстилалась, как шкура с головы дикого оленя-мойки, когда море-океан с блюдечко льдинкой было» [15, с. 242]. Подобных культурных параллелей в долганском эпосе достаточно много, и они могут быть предметом для отдельных исследований.

Специфика традиций долганского эпоса заключается, прежде всего, в тематике сюжетов. Основой большинства сюжетов эпоса долган является образ и роль лошади как первопредка и покровителя людей. Наиболее ярко образ лошади-первопредка представлен в сказании «Сын лошади Аталамии-богатырь» («Ат уола Аталамии букагыыр»), которое, по мнению Н. В. Емельянова, примыкает к циклу якутских эпических текстов о сыне лошади Богатыре Дыырае [16, с. 295]. В долганском сказании «Сын лошади Аталамии-богатырь» лошадь становится матерью эпического героя, завещает ему свою шкуру, превращающуюся в боевого коня: «Шкуру с матери содрал. Когда содрал, из шкуры начинающая увядать девушка-женщина вышла. На шкуру со словами: “В именитую страну ехать собираюсь, необъезженным конем моим с неутомимыми легкими будь!” – раскинув ноги, уселся верхом, продолжая стегать. Долго не заставив ждать, шкура в коня превратилась» [17, с. 54-55]. А. Е. Захарова предполагает об архаическом происхождении мотивов в долганском эпосе о сыне лошади, обозначая наиболее характерные из них: «долганское олонхо “Сын лошади Аталамии-богатырь”, именно благодаря этим мифологическим и сказочным мотивам (мотив растительного зачатия, мотив животной матери-прародительницы, птичий мотив прародительницы), является наиболее архаическим сюжетом в данном цикле якутского и долганского олонхо» [18, с. 186].

В сказании «Брат и сестра» («Убай-балыс») лошадь спасает героев – брата и сестру от голодной смерти и от преследования чудовища-*абаасы*. Лошадь называет брата и сестру своими детьми:

Песня лошади это была, оказывается.
Эта лошадь поет:
«Мои деточки, мои птенчики,
В мною сказанные слова
Теплыми чуткими ушами вслушайтесь,
К изрекаемым мной заветным словам
Ровдужными ушами прислушайтесь, дети» [17, с. 92-93].

Кульминационным моментом повествования является завещание конем своих частей тела: шкура становится городом (жилищем, территорией), стегна превращаются в амбары с продуктами, передние ноги – в кладовки с деньгами, копыта – в скот и т. д. [17, с. 102-104, 103-105]. Символическим в этой цепи волшебства является превращение почек коня в медведя и волка:

Кроме того, двум почкам моим скажите:
«Медведем-собакой и волком-собакой станьте,
Девятижильными цепями, привязанными
С левой и правой стороны нашего города!» [17, с. 102-103].

На наш взгляд, завещание коня является, с одной стороны, символом скотоводческих традиций тюркского пласта этнической культуры долган, с другой – свидетельствует о смене этнографических традиций предков долган, связавших свое будущее на определенном этапе истории с новыми хозяйственными традициями в лесотундровом ландшафте. Медведь и волк в данном случае, вероятно, символизируют этнокультурную взаимосвязь с этим ландшафтом, что подтверждается дальнейшим развитием сюжета – герой становится охотником, добывая диких оленей: «Достигнув поры взрослого человека, самостоятельным хозяином став, своим домом зажил. Молодой человек разве утерпит? Однажды землю свою пошел осматривать. Вот диво-то, разные птицы, разные клыкастые – все есть, оказывается! Вот стал их промысливать.

Пять диких оленей, на петельки своей одежды их нанизав, принес; домой придя, посидел и спать лег. “Солнце мое взошло”, – подумав, шею вытянул» [17, с. 108-109].

В некоторых эпических текстах герои изначально предстают охотниками. Так, в тексте «Три девушки – родные сестры» («Үс эдьий-балыс кыргыттар») главными героями являются сестры, которых божество Айыы спускает в Средний мир. Старшая является домохозяйкой,

средняя – шаманкой, а младшая – охотницей, лучницей [17, с. 134-135]. В процессе развития сюжета средняя сестра, обманом победив враждебного пришельца *абаасы*, отправляется странствовать. В процессе путешествия женщина находит двух мальчиков и усыновляет их. Далее у героини рождается собственный сын. Когда мальчики вырастают, мать сплетает им медный, серебряный и золотой *мамуты* (аркан для ловли оленей), которыми юноши ловят волшебных коней: «Мамут, имеющий духа-хозяина, вытягиваясь-растягиваясь, пройдя сквозь стены медной клетки, стоящей с солнечной стороны города Караккаана, на основании рогов коня повис. Тут же [парень] начал тянуть.

– Смотрите, смотрите: что-то поймал мой мамут.

Через какое-то время, подтягивая, сверкающего медного коня приволок. С уздой, с поводьями [конь].

– Вот я коня достал. Вы тоже коней себе добудьте!» [17, с. 144-145].

Волшебные мамуты и рогатые кони, вероятно, являются символами оленеводческой культуры, приобретенной долганами на определенном этапе этнической истории.

Как видим, ключевые эпические традиции долган сопоставимы с результатами научных исследований, предполагающих о смешанном этногенезе долган на основе тюркского и тунгусского генетических пластов, а также в результате участия других этнических культур. На преобладание тунгусского (эвенкийского) и тюркского (якутского) компонентов указывают результаты лингвистических исследований. Так, по мнению Е. И. Убрятовой, долганский язык представляет собой самостоятельный язык тюркской группы, основу которого составил якутский язык, подвергшийся существенному влиянию эвенкийского языка [19, с. 3]. Об эвенкийско-якутском этногенезе свидетельствуют традиции орнаментального искусства долган [20, с. 251-252]. Влияние культурных традиций эвенков, саха и русского старожильческого населения отмечено в мировоззренческих и ритуальных традициях долган: «... намогильные сооружения долган полностью отражают их происхождение в результате исторических и этнокультурных связей тунгусов, якутов и русских» [21, с. 44].

В науке преобладает мнение об относительной исторической молодости долганского этноса. Б. О. Долгих в статье «Происхождение долган» обосновал этногенез долган на основе межэтнических контактов эвенкийских родов Долган, Донгот, Эдян и др. с группой северных якутов, русских старожилов, а также энецких (Сонуко, Сойта, Масуадай и др.) и ненецких родов (Ябтонгэ, Аседа) [22]. Вероятно, участие названных этнических компонентов в этногенезе долган может быть обнаружено при обращении к различным жанрам фольклора.

Нимкан – архаика жанра в тунгусской эпической традиции

Высокая степень историзма характерна для эпических традиций тунгусо-маньчжурских народов. Обращаясь к эвенскому и эвенкийскому эпосу, можно заметить выраженные архаические черты мифологических традиций. Г. И. Варламова отмечает присутствие мифологических традиций по всему содержанию и структуре тунгусского эпоса [23, с. 10]. Герои нимнгакана и нимкана, рождающиеся в мифологически далекое время, выступают в образе первопредков людей и этносов, а также демиургов, создающих первые орудия труда. Наиболее отчетливо подобная архаика проявляется в сказаниях об одиноком герое: «Нимнгаканы с одиноким героем очень древни, и архаика их обнаруживается прежде всего в описании первых поступков героев, соотносимых с поступками и делами демиургов» [24, с. 61]. Вместе с тем, эпос эвенков и эвенов имеет существенные отличия, главные из которых: 1) устойчивая степень архаизма эпического наследия эвенов и более развитая художественно-поэтическая стадия эпоса эвенков; 2) преобладающее разнообразие сюжетов и объема текстов в эпосе эвенков. Так, например, объем опубликованного текста нимнгакана «Дулин буга Торгандунин», повествующего о подвигах пяти поколений эвенкийских богатырей, составляет более 50 тыс. поэтических строк [25].

Общность архаического генезиса эпоса эвенков и эвенов можно увидеть, прежде всего, в общих сюжетах, например, в цикле сказаний о братьях-первопредках. Цикл сказаний о трех братьях имеет выраженное мифологическое происхождение, основываясь на мифологическом сюжете о происхождении разных этносов. Эвенский вариант общего древнего цикла повествует о жизни трех братьев – Иркэнмэла, Ойинде и Мэтэлэ, от которых происходят русские, саха и эвены: «Эти три человека жили, когда земля теперешняя только зарождалась. / Иркэнмэл

– богатырь всех богатырей, все что есть могущий одолеть, все, что есть могущий сделать – теперешний русский. Ойинде – только себя еле могущий кормить – якут. Мэтэлэ – ничего не могущий, ничего не знающий, вот теперь исчезающий – теперешний эвен» [26, с. 193].

Отчетливое мифологическое происхождение сказания демонстрирует этиологическая основа текста, в котором поясняются причины антропологического отличия братьев, символизирующих разные народы. По сюжету к братьям прибывает старец – творец мироздания, наделяя каждого из братьев различной антропологией и исторической судьбой в зависимости от поведения каждого по отношению к творцу:

Иркэнмэл тут же вскочил на ноги, глаза его углубились,
Волосы покраснели, нос заострился и стал с горбинкой –
Так желал он внять словам старца-отца, так хотел слышать.
Ойинде, устыдившись, вдруг неуклюжим стал,
Лицо его бесформенным и некрасивым.
А у Мэтэлэ от стыда ноги раскорячились,
Нос сплюснулся и обрел он вид некрасивый [26, с. 192].

Характерной особенностью цикла сказаний о братьях является отсутствие героической идеализации образа национального героя. Эпические Чинанай (герой эвенкийского эпоса) и Мэтэлэ (герой эвенского эпоса) представляются как предки эвенков и эвенов, но они не представлены как эпические богатыри, они не совершают героические подвиги, сражаясь с врагами. Предкам эвенов (Мэтэлэ) и эвенков (Чинанай) в цикле сказаний соответствует образ, подобный герою русских сказок – ленивому Иванушке. Эвенский Мэтэлэ живет со старшим братом охотником Иркэнмэлом, помогая ему по хозяйству. Эвенкийский Чинанай так же живет на попечении старших братьев, и так же как Мэтэлэ, он не умеет охотиться и все время попадает в нелепые ситуации.

Вместе с тем, первопредки Чинанай и Мэтэлэ предстаютдемиургами – они совершенствуют мир, учреждают обрядовые традиции, изобретают предметы обихода и орудия труда: «Мэтэлэ был отличный мастер. Из дерева он делал разные вещи, сделал самострел и лук для старшего брата» [26, с. 199], «Чинанай дерева кусок отрубаёт, топором ложки делает. ... Очень хорошие из дерева поварешки и ложки сделал» [27, с. 33-36, 46-48].

Характеризуя, в целом, эвенский цикл сказаний о трех братьях, можно отметить смешение жанровых признаков повествований, в которых мифологическая основа получает структурное и художественное развитие в эпических традициях (мотив путешествия, запевы героев и т. д.), в которые, в свою очередь, позднее оказались вовлечены христианские мотивы:

Три поколения тому назад
Три брата жили, – говорят.
Старика Адама дети.
Старший их брат: Иркэнмэй
Где семь морей сходится, живет.
Средней земли богатырь он
У Черного моря в пуповине
С рогатым сатаной
Ходил драться [26, с. 197].

Архаика эпоса эвенов проявляется в художественной специфике жанра. Например, подавляющая часть запевных слов героев эвенского эпоса основана на звукоподражании, что для эвенкийского эпоса характерно в гораздо меньшей степени. В эвенском эпосе звукоподражание, либо запевы, производные от имени (названия) персонажа – это основной тип запевов, распространенный во всех зафиксированных фольклорных текстах: «Увидев человека, лис стал смотреть в его сторону и, подобно человеку, повел речь:

– Хулирой, богатырь, хулирой,
Чибдевэл, хулирой,
Куда же ты, хулирой,
Идешь и идешь, хулирой?» [28, с. 148].

В данном случае запов персонажа-лисы формируется от названия животного – *хули*, *сули* означает «лис», «лиса» [29, с. 124].

Исторические традиции эвенского эпоса имеют существенные отличия от эвенкийских. Эти исторические отличия проявляются в этнографических деталях, например, в хозяйственных традициях. В эвенском эпосе герои часто представляются носителями развитой культуры оленеводства: «Жили эвены. И жил очень богатый старик со своей старухой. У них было много родственников и людей, которые работали на них. Несмотря на то, что старик был так богат, он никого не обижал. Даже те, кто работал на них, уважали старика. У старика было очень много оленей. И он, и его люди были очень удачливыми охотниками» [26, с. 153].

Олень в эпосе эвенов является главным помощником героя, в то время как в эвенкийском эпосе эту роль выполняет конь. В эпосе эвенов олень является покровителем и спасителем эпического героя. В сказании «Нёлтэк» олень спасает героиню от врага – жениха-черта: «Не знала она, как долго они летели. Видит, под ними красивая гора. Когда они приземлились, Нёлтэк сошла с ездового оленя. Олень очень устал, вспотел и был от этого такой мокрый, будто упал в воду. Он заговорил:

– Хозяйка моя любимая, хор-хор,
Хорошо мы сделали, хор-хор,
Что убежали от черта» [26, с. 139-140, 172].

Олень в сказаниях эвенов предстает прародителем, «он жертвует собой для того, чтоб корень, род эвенов размножился и увеличился» [23, с. 4].

Эпические традиции эвенов получили наибольшее развитие в среде охотской группы. В эпосе охотских эвенов герой нередко представлен как богатырь, путешествующий и совершающий героические подвиги. Структура сказаний эвенов охотского побережья более приближена к эвенкийской традиции, более того, в текстах двух народов встречаются общие персонажи. Например, весьма распространенным женским образом эвенкийского эпоса является девушка Мэнгункэн, имя которой происходит от слова *мэнгун* – «серебро» [29, с. 570]. Имя героини характерно для обитателей страны, расположенной на востоке. Схожий образ героини Мэнгун (Мэнгунь) встречается в эпосе охотских эвенов о Геакчавале [28]. В этом же сказании эпическим героям противостоит другой знаковый персонаж тунгусского эпоса – богатырь Кидани. Это противостояние эпических богатырей может являться отражением длительных исторических контактов тунгусских и монгольских племен, начиная с бохайского периода (VII–IX вв.) и продолжая эпохой киданьской империи Ляо (XX–XII вв.). В эвенкийской эпической традиции этот межэтнический процесс наиболее ярко отражен во взаимобрачных традициях эвенкийских богатырей с племенем кидан [30, с. 115]. Возвращаясь к эпическому образу девушки Мэнгункэн, отметим, что в эвенкийском эпосе она не только принадлежит к племени кидан, но и знакомит эвенкийского богатыря с конем [27, с. 152-153, 176-177].

Таким образом, специфика эпических традиций эвенов отражает основные исторические этапы развития этноса. По мнению Г. М. Василевич, тунгусы Охотского побережья являются прямыми потомками неолитических пеших охотников, а формирование эвенского языка происходило во взаимном влиянии с юкагирами. Приобретение оленеводства эвенами в начале н. э. также связывается исследователем с северо-восточными территориями Сибири [31, с. 47]. А. М. Золотарев связывал этногенез эвенов с эпохой глобальных миграций пеших тунгусов в более позднее время. По мнению ученого, предки эвенов проникли на побережье Охотского моря с низовьев Амура, где происходил длительный культурный обмен с предками современных палеоазиатов – нивхов и коряков [32]. Предполагают, что этногенез северо-восточной группы тунгусов (эвенов) сопровождался тесными взаимосвязями с автохтонами этих территорий, о чем свидетельствуют результаты генетических исследований. Так, результаты исследования митохондриальной ДНК народов Якутии демонстрируют генетическую близость эвенов с юкагирами, естественную близость эвенов с эвенками и достаточно удаленные комбинации ДНК эвенков и юкагиров [33]. Подобное состояние генофонда этносов, вероятно, может свидетельствовать о следующем: а) антропологическое сходство тунгусо-маньчжуров и юкагиров, а также общие элементы материального комплекса (составная одежда распашного типа) обусловлены взаимным этногенезом эвенов и юкагиров, либо их протопопуляциями. Эвенки в данном

процессе участия не принимали; б) взаимное проникновение культурных элементов и общность генофонда эвенов и юкагиров происходили исключительно на северо-востоке Сибири.

Специфика эпических традиций эвенов, во многом, сопоставима с представленной гипотезой, т. к., с одной стороны, очевидна общность древних тунгусских (эвено-эвенкийских) фольклорных традиций, с другой, стадийное отличие жанра, его сюжетов и образов в эпических традициях двух народов, демонстрируют отдельное этногенетическое развитие этносов на более поздних этапах истории. Исключение в данном случае составляет охотская группа эвенов, эпические традиции которых указывают на более продолжительные совместные этногенетические контакты с эвенками и, вероятно, другими тунгусо-маньчжурскими народами.

Нимнгакан – общность этнокультурных традиций

Историзм эпических традиций эвенков ранее подробно рассматривался нами в ряде публикаций и в отдельных монографиях [34, 35]. Рассматривая эпическое наследие эвенков, можно с уверенностью заявить о его исторической сущности и функциональности, когда в сюжетах, мотивах и образах отражается сложный процесс этногенеза и исторического пути эвенков и родственных тунгусо-маньчжурских народов. Междисциплинарный подход к изучению фольклорных традиций эвенков и родственных народов позволяет реконструировать важнейшие этапы истории тунгусо-маньчжуров, начиная с эпохи байкальского неолита, продолжая этапом дальневосточного этногенеза на рубеже двух эр и более поздним временем.

В рамках настоящей публикации кратко представим общий взгляд на историческую специфику эвенкийского нимнгакана с точки зрения общности эпических традиций народов Якутии. Как сообщалось выше, наибольшая общность эпических традиций сохраняется в эпосе эвенков и эвенов. В то же время, существует общность эпических традиций эвенкийского нимнгакана с якутским и долганским олонхо. В нимнгакане и долганском олонго общие традиции проявляются, прежде всего, в содержании и структуре зачина (см. табл. 1).

Таблица 1

Примеры зачина эпоса долган и эвенков

Долганское олонго	Эвенкийский нимнгакан
В ту пору, когда эта обжитая страна со шкуру головы самца-оленья была, в ту пору, когда это простирающееся небо с лицом человека было, старуха со стариком жили. То ли из земли, корни пустив, они появились – не знали, то ли с дождем упали с неба – не знали. Земляное жилище-голомо имея, жили. Имущества у них вот топорик один, одно огниво, один кремьень. Вот с тех пор, как в Среднем мире появились, поперечноглазого <i>ураангкай</i>, с продольными ступнями <i>ураангкай</i>* не видя, жили. Ребенка своего не имея, жили. На скрепах Среднего мира жили. Вот старуха со стариком, каждый про себя, думают: «Вот в Среднем мире так прожили, даже имени не имея. Как бы нам оставить имя свое?» – так говоря, советовались [17, с. 78-79].	В самом начале, когда земля расстилалась, как шкурка с головы дикого оленя-мойки, когда море-океан с блюдечко льдинкой было, когда небо – верхняя земля, словно радуга, своими цветами сверкало, на самой середине средней земли, на устье большой реки-енэ жил-поживал богатырь средней земли Уму-Умусликон. Один-одинешенек жил он. Чум-утэн его покрыт был шкурой оленя-мойки, (шкура) прижаты бедренными костями лося, порог (из костей). Котелок у него был из черепа дикого оленя, нож – из кости дикого оленя [15, с. 242]; В давние годы, когда река впервые потекла, когда трава только выростала, на средней земле жили два паренька. Жили-поживали. Откуда появились – не знали; упали ли с верхней земли – не знали. Одно дело только и знали они – бродить по средней земле [15, с. 185].

Отчетливое сходство зачина эпоса эвенков и долган проявляется в устойчивых формулировках, характеризующих мифологически далекое время, в котором рождаются эпические герои: «шкура с головы дикого оленя-самца», «с неба ли упали-родились – не знали», «поперечноглазые ураанкай» и др. Сходство проявляется в мотиве одиночества героев – символе первопредков, а также в общих этнографических деталях, например, в данном случае – жилище *голомо*.

Сходство некоторых эпических традиций наблюдается в эпосе эвенков и саха, на что указывали специалисты по якутскому фольклору [36]. Г. М. Василевич во введении к сборнику «Исторический фольклор эвенков» отметила ряд схожих традиций эпоса восточных эвенков с эпическими традициями саха и бурят: структуру вступления, генеалогическую цикличность, схожие описания появления врага и поединков, особое внимание к имени и названию рода (обусловленному экзогамией) [15, с. 13]. В данном случае следует также дополнить, что некоторые эпические традиции вошли в эвенкийский эпос в результате более поздних этнокультурных и этногенетических контактов. К числу таких традиций можно отнести мотив приобретения коня, противостояние с враждебными степными скотоводами, взаимообращение эвенкийских эпических героев и монголоязычных обитателей на востоке от прародины тунгусов и др.

Значительная часть эпических традиций эвенков возникла на основе контактов некоторых эвенкийских групп с монголоязычными племенами в Забайкалье и Приамурье, а также эвенков и саха на территории Якутии. А. Н. Мыреева, характеризуя эпический жанр эвенков, отмечала влияние якутского языка и олонхо в эпической традиции алдано-учурских эвенков [37, с. 4]. Вне сомнений, присутствие схожих традиций в эпосе эвенков, долган и саха является эпическим отражением культурного взаимодействия и общего этногенеза, происходившего на протяжении нескольких веков, когда предки современных саха освоили среднее течение Лены, адаптируя южную культуру в новых условиях.

Олонхо – поиск древней прародины саха

Высокая степень эпического историзма характерна для якутского олонхо. Специфика историзма олонхо проявляется в разнообразных сюжетах, мотивах и образах, очертаниях эпох, о которых повествуется в текстах олонхо. В рамках данной публикации мы не ставим целью комплексно рассмотреть сложную проблему степени историзма якутского олонхо, а кратко остановимся на одном ключевом вопросе, связанном с историей народа саха – его предполагаемой древней прародине. Для решения вопроса обратимся к материалам якутского эпоса, опираясь на исследования фольклора и смежных наук. В. М. Гацак, рассматривая типологию эпического наследия народов СССР, указал на присутствие особой формы историзма в героическом эпосе олонхо: «Легко уловить, что на протяжении олонхо постоянно как бы пульсируют сигналы: кто такой герой, из какой он страны, какого племени, кто его враги, где происходит их встреча и т. д.» [38, с. 10]. И. В. Пухов охарактеризовал олонхо как эпос развитого родового строя – эпохи «военной демократии», корни которого, по мнению исследователя, восходят ко времени древних тюрков [39]. Где же располагалась прародина древних тюрков – предков саха?

Как правило, родина эпического героя наиболее подробно описывается в зачинах сказаний. В зачине олонхо отчетливо проявляются ландшафтные характеристики древней исторической прародины народа саха, описания которой уводят наше воображение в бескрайние просторы южных степей:

Осьмикрайняя, на восьми ободах,
Белая равнина блестит,
Там неувядающая никогда,
Не знающая изморози ледяной,
Зелень буйная шелестит...
Никогда не бывает зимы.
Лето благодатное там
Вечное изливает тепло [40, с. 26].

Зачин олонхо описывает красочные степные ландшафты, схожие с описанием бурятского «Гэсэра» и калмыцкого «Джангара»:

Люди не знали в этой стране
Лютых морозов, чтоб холодать,
Летнего зноя, чтоб увядать...
...Тысячам тысяч счастливых людей
Тесен был простор степной
В пятимесячный путь шириной [41, с. 18-19].

И. В. Пухов, анализируя тексты олонхо, предполагал о южном этногенезе саха, не уточняя исторического периода и не обозначая временные характеристики: «Олонхо – эпос древнего происхождения. Указать точное время его возникновения пока не представляется возможным. Очевидно лишь то, что истоки олонхо восходят к тому периоду, когда якуты жили на южной своей родине, в соседстве с другими тюрко-монгольскими народами. Южное происхождение олонхо не вызывало особых сомнений в научной литературе» [39, с. 22]. В целом, гипотеза о южном происхождении саха преобладает в научной среде, отличаясь в обозначении территориальной локализации, исторического времени и привязанности к известным этнографическим и археологическим культурам.

А. П. Окладников в своем междисциплинарном исследовании, в котором так же привлекал фольклорные материалы, обозначил взаимосвязь саха с курумчинской археологической культурой, существовавшей в VI-X вв. в верховьях Лены и Ангары. Под курумчинцами в науке предполагаются скотоводческие племена тюркоязычных курыкан, часть которых освоила среднее течение р. Лены в XIII-XVI вв., переселившись из Прибайкалья [42]. Согласно наиболее распространенному научному мнению, причиной расселения предков саха с территорий, примыкающих к Байкалу, явилось военное давление со стороны монгольских и бурятских племен в эпоху расцвета империи Чингисхана в XII-XIII вв. Г. У. Эргис, основываясь на анализе содержания текстов олонхо, выдвинул предположение, что в олонхо отражены реальные события XIII столетия, связанные с глобальной монгольской экспансией эпохи Чингисхана [43, с. 15].

Однако, на наш взгляд, вовсе не о Байкале повествуют зачины олонхо, как это, к примеру, описывается в эвенкийском эпосе, где герой живет у моря Ламу, моря Далай, в которое впадают 99 рек [44, с. 44-45]. Исследование зачинов олонхо ориентирует нас географически, позволяя предположить не только более южную область, но и более, чем абстрактную южную степную прародину. В сказании «Кыыс Дэбилейэ» древняя прародина саха приобретает осязаемые географические очертания:

на восьмибодной-восьмикрайней
изначальной матери-земле,
на желтом [благодатном] лоне ее,
под нижним слоем
грешно-заклятого
западного неба,
половину матери-земли занимая,
Западный Сибиир именуемая,
славно-знаменитая страна
была сотворена, оказывается.
На этой [земле] Западный Сибиир,
на самом ее загривке,
на высокой поверхности
прекрасной страны,
на лучшем хребте
родной тверди-земли...
...[с такими] долами неохватными,
с неоглядно-необозримой,
простирающейся ширью-поверхностью,
Унаарытта Эбэ Хотун называемая,
славно-знаменитая долина-алаас
сотворена была, оказывается [45, с. 77-79].

В этом эпическом зачине также представлена картина бескрайней цветущей луговой равнины, «границы которой неподвластны ни журавлю, ни стерху» [45, с. 77, 79]. Однако, представленные географические характеристики – «под западным небом», «Западный Сибиир», а также собственное имя долины – «Унаарытта Эбэ хотун» (вероятно, имеется в виду «широко простирающаяся большая речная долина»), ориентируют нас географически к западным областям Сибири. В данном зачине древняя прародина саха, вероятно, обозначается не у Байкала,

не в степях Монголии, а в очертаниях Западно-Сибирской равнины, либо на Алтае, например, в верховьях или на левобережье Енисея. Гипотеза о енисейской прародине саха была весьма популярна в исследованиях, начиная с XIX в. [46].

Гипотетическая алтайская прародина саха, впрочем, так же, как и монголов и тунгусо-маньчжуров, согласуется с теорией алтайской языковой общности. Гипотеза об алтайской прародине саха находит подтверждение в трудах У. Йохансен, связывающей культурный комплекс саха с пазырыкской археологической культурой Горного Алтая V-III вв. до н. э. [47]. Подобную гипотезу обосновал А. И. Гоголев, основываясь на сходстве пазырыкской культуры с кулун-атахской средневековой культурой на средней Лене (XIII-XV вв.) [48]. В качестве промежуточной культуры, между двумя обозначенными выше, исследователь указывает курумчинскую культуру в верховьях р. Лены [49].

В представленные выше параллели фольклора и смежных наук вносит свои поправки дальнейший анализ зачинов олонхо. Так, в зачине сказания «Мюлджю Бёгё» («Мүлдү Бөҕө») очертания древней прародины саха относят воображение исследователя к еще более южным территориям:

Раскинулся великий простор.
На нижнем краю его центра-темени...
...Если же вниз посмотреть:
С запада море Арат,
Жаркое море с востока,
Бурные моря вокруг,
Снизу бездонный океан,
Посередине глинистая земля,
Зеленой травой покрытая,
Деревьями высокими украшенная,
Скалами гранитными окаймленная,
Три рыбы Луо – балки прочные,
Чудо-рыба – подпорка [50, с. 11].

В данном зачине перед нами предстает территория с теплым климатом у побережья моря. П. А. Ойунский, привлекая тексты олонхо в качестве исторического источника, предположил возможную прародину саха вблизи побережья Аральского моря [51]. Сопоставление описания в зачине олонхо с географией уводит нас, вслед за П. А. Ойунским к ареалу казахских степей или, что более вероятно, обозначает обширный степной ландшафт региона Центральной Азии, т. к. по тексту зачина «море Арат» указывается в качестве масштабного ориентира: «если же вниз посмотреть». Этот эпический гидроним представлен в известном олонхо «Могучий Эр Соготох», в зачине которого «Араат-море» располагается в самой середине родины героя – «изначальной матери-земли» [52, с. 79].

В данном случае, основываясь на анализе фольклорного текста, достаточно сложно предполагать территориально более точные очертания предполагаемой прародины саха. Если ориентироваться на результаты точных научных дисциплин, то возможную историческую и территориальную взаимосвязь следует обозначать глобально с регионом Центральной Азии. Так, результаты историко-генетических реконструкций ориентируют нас на взаимосвязь генофонда саха по мужской линии с генофондом популяций Средней Азии, а в наиболее древней основе генофонда и с тюрко-монгольской общностью [53].

Как видим, южные очертания древней прародины саха в описаниях олонхо различны, но, в целом, соответствуют гипотезам о южном происхождении этноса и свидетельствуют о сложном процессе этногенеза, происходившем на обширной территории. Вероятно, наиболее древняя тюркская основа предков саха формировалась в центрально-азиатском регионе, продолжив развитие в Западной Сибири, а затем в Прибайкалье, откуда позднее южные потомки переместились на среднюю Лену. Подобную структуру этногенеза саха выстроил И. К. Константинов [54, 55, 56]. По мнению А. И. Гоголева, наиболее ранний этап этногенеза саха может быть связан с центрально-азиатским регионом скифской эпохи, а в более позднее время сопоставим с пазырыкской культурой Горного Алтая [57]. Вне сомнений, исследование богатых эпических tradi-

ций народа саха с позиции историзма позволит уточнить дискуссионные вопросы, касающиеся исторического пути саха, чьи предки, оказавшись волею судьбы на северных территориях, сумели адаптировать свой культурный комплекс в суровых условиях Якутии, ставшей настоящей родиной для их потомков.

Заключение

Таким образом, эпическое творчество народов Якутии обладает высокой степенью эпического историзма, существенно отличаясь своей внутрижанровой спецификой. Для эпических традиций юкагиров характерен жанровый синкретизм мифологии и повествовательного жанра, в котором, с одной стороны, отображены ранние этапы этнической истории, с другой – этногенетические и межэтнические контакты на позднем этапе исторического развития. В эпосе долган отчетливо прослеживаются фольклорные традиции олонхо и нимнгакана, что является отражением исторического процесса этногенеза долган на территории Якутии и Таймыра. Эпос эвенов и эвенков имеет общий генезис, отличаясь в стадийном развитии художественного слова. Эпические традиции двух родственных народов являются прямым отражением этнической истории – общей на ранних этапах этногенеза и отличающейся в позднее историческое время. Олонхо является художественной формой повествования об историческом пути носителей южной скотоводческой культуры, сумевших культурно адаптироваться в условиях нового северного ландшафта.

Обращение к эпическому наследию через призму междисциплинарного подхода с привлечением результатов исследований смежных научных дисциплин позволяет уточнить важнейшие этапы истории, этногенеза и возникновения основополагающих этнографических традиций. Эпические традиции народов Якутии, в соответствии с законами фольклорного жанра, являются отражением разных этапов этнической истории, в т. ч. культурного и межэтнического взаимодействия народов в процессе совместного исторического развития на общей территории.

Литература

1. Мелетинский Е. М. Первобытное наследие в архаических эпосах // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук (г. Москва, 3-10 августа 1964 г.). – Москва : Наука, 1964. – С. 187-193.
2. Эвенкийские героические сказания / Сост. А. Н. Мыреева. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 392 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). (На эвенкийском и русс. яз.).
3. Фольклор юкагиров / Сост. Г. Н. Курилов. – Новосибирск : Наука, 2005. – 594 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока ; Т. 25). (На юкагирском и русс. яз.).
4. Березкин Ю. Е. Фольклорно-мифологические параллели между Западной Сибирью, Северо-Востоком Азии и Приамурьем-Приморьем // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006, № 3 (27). – С. 112-122.
5. Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. – Москва : Изд-во АН СССР, 1958. – 358 с.
6. Хлобыстин Л. П. Памятники сибирского Заполярья и их соотношение с культурами таежной зоны // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий : сб. науч. тр. / Отв. ред. А. П. Деревянко. – Новосибирск : Наука, 1975. – С. 100-110.
7. Филогенетический анализ линий древней митохондриальной ДНК в Якутии / Федорова С. А., Степанов А. Д., Адоян М. и [др.] // Молекулярная биология. – 2008. – Т. 42. № 3. – С. 445-453.
8. Первоначальное заселение Америки в свете данных популяционной генетики / Сукерник Р. И., Кроуфорд М. Г., Осипова Л. П. [и др.] // Экология американских индейцев и эскимосов : сб. науч. ст. / Отв. ред. В. А. Тишков. – Москва : Наука, 1988. – С. 19-32.
9. Симченко Ю. Б. Некоторые вопросы древних этапов этнической истории Заполярья и Приполярья Евразии // Этногенез и этническая история народов Севера / Отв. ред. И. С. Гурвич ; АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Москва : Наука, 1975. – С. 148-185.
10. Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии : Этнографическая реконструкция. – Москва : Наука, 1976. – 311 с.
11. Туголуков В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. – Москва : Наука, 1985. – 284 с.

12. Иохельсон В. И. Юагиры и юагиризированные тунгусы. – Новосибирск : Наука, 2005. – 675 с.
13. Тураев В. А. Хожение «встречь солнцу» в контексте проблем присоединения Дальнего Востока к Российскому государству (XVII-XVIII вв.) // Вестник ДВО РАН. – 2013, № 1. – С. 37-47.
14. Ефремов П. Е. Долганское олонхо. – Якутск : Якутское кн. изд-во, 1984. – 132 с.
15. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / Сост. Г. М. Василевич. – Ленинград : Наука, 1966. – 400 с.
16. Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо. – Москва : Наука, 1980. – 375 с.
17. Фольклор долган / Сост. П. Е. Ефремов. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – 448 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока ; Т. 19). (На долганском и русс. яз.).
18. Захарова А. Е. О мифологических и сказочных мотивах в долганском олонхо «Сын лошади Аталами-богатырь» // В мире науки и искусства : вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2013, № 30. – С. 182-187.
19. Убрятова Е. И. Язык норильских долган. – Новосибирск : Наука, 1985. – 214 с.
20. Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. По материалам XIX - начала XX вв. народы Севера и Дальнего Востока. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1963. – 450 с.
21. Дьяченко В. И. Намогильные памятники долган сквозь призму их этногенеза // Сибирский сборник – 1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий в контексте мифологических представлений. – Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2009. – С. 38-44.
22. Долгих Б. О. Происхождение долган // Сибирский этнографический сборник. – Москва : Изд-во АН СССР. – 1963. – Т. 5. – С. 92-141.
23. Варламова Г. И. «Жили эти люди, когда теперешняя Земля только зарождалась...» // Тунгусский архаический эпос (эвенкийские и эвенские героические сказания) / Сост. Г. И. Кэптукэ, В. А. Роббек. – Якутск : Северовед, 2001. – С. 3-18.
24. Варламова Г. И. Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора. – Новосибирск : Наука, 2002. – 376 с.
25. Дулин буга Торгандунин. Торгандун Среднего мира / Сост. А. Н. Мыреева. – Новосибирск : Наука, 2013. – 856 с. (На эвенкийском и русском яз.).
26. Тунгусский архаический эпос (эвенкийские и эвенские героические сказания) / Сост. Г. И. Кэптукэ, В. А. Роббек. – Якутск : Северовед, 2001. – 209 с.
27. Сказания восточных эвенков / Сост. Г. И. Варламова, А. Н. Варламов. – Якутск : ЯФ ГУ изд-во СО РАН, 2004. – 235 с.
28. Эпос охотских эвенов / Сост. Ж. К. Лебедева. – Якутск : Якутское кн. изд-во, 1986. – 304 с.
29. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 2 / Отв. ред. В. И. Цинциус. – Ленинград : Наука, 1977. – 992 с.
30. Варламов А. Н. Об историзме фольклора : по материалам фольклора эвенков // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009, № 107. – С. 112-119.
31. Василевич Г. М. Материалы языка к проблеме этногенеза тунгусов // КСИЭ. – Москва, 1946. – Т. 1. – С. 46-51.
32. Золотарев М. А. Новые данные о тунгусах и ламутах XVIII в. // Историк-марксист. – 1938. – Кн. 2. – С. 79-86.
33. Аллельный полиморфизм гена миотонинпротеинкиназы в популяциях населения Республики Саха (Якутия) / Федорова С. А., Сухомясова А. Л., Николаева И. А. [и др.] // Наука и образование. – 2005, № 2. – С. 59-65.
34. Варламов А. Н. Исторические образы в эвенкийском фольклоре. – Новосибирск : Наука, 2009. – 96 с.
35. Варламов А. Н. Специфика историзма в фольклоре эвенков. – Санкт-Петербург : Лань, 2018. – 308 с.
36. Пухов И. В. Фольклорные связи Крайнего Севера (эпические жанры эвенков и якутов) // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР. Поэтика и стилистика : сб. науч. тр. / Отв. ред. В. М. Гацак. – Москва : Наука, 1980. – С. 264-281.
37. Фольклор эвенков Якутии / Сост. А. В. Романова, А. Н. Мыреева. – Ленинград : Наука, 1971. – 330 с.
38. Гацак В. М. Поэтика эпического историзма во времени // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР. Поэтика и стилистика : сб. науч. тр. / Отв. ред. В. М. Гацак. – Москва : Наука, 1980. – С. 8-47.

39. Пухов И. В. Якутский героический эпос олонхо : Основные образы. – Москва : Изд-во АН СССР, 1962. – 256 с.
40. Ойунский П. А. Нюргун Боотур Стремительный : якутский героический эпос олонхо. – Москва : ИПЦ «ДИК», 2007. – 400 с.
41. Джангар. Калмыцкий народный эпос / Пер. С. И. Липкина, вступ. ст. С. Ю. Неклюдова. – Элиста : Фирма МСП, 2013. – 316 с.
42. Окладников А. П. История Якутской АССР. Т. 1. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1955. – 432 с.
43. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. – Москва : Наука, 1974. – 404 с.
44. Варламов А. Н. Байкал в зачинах эвенкийского эпоса : к вопросу об исторической прародине тунгусов // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Серия Эпосоведение. – 2019, № 3. – С. 42-50. – DOI: 10.25587/SVFU.2019.16.44313.
45. Кыыс Дэбиллэйэ : якутский героический эпос. – Новосибирск : ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. – 330 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). (На якутском и русс. яз.).
46. Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей и сведения об их численности // Живая старина. – 1896. Год шестой, вып. 3-4. – С. 277-456.
47. Йохансен У. Орнаментальное искусство якутов : ист.-этногр. исследования. 2-е изд., доп. – Якутск : Дани-Алмас, 2012. – 184 с.
48. Гоголев А. И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV-XVIII вв.). – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1990. – 188 с.
49. Гоголев А. И. Якуты (проблемы этногенеза и формирование культуры). – Якутск : Изд-во ЯГУ, 1993. – 204 с.
50. Непобедимый Мюльдзю Бёгё = Мульдү Бөбө : олонхо : в 2 кн. Кн. 2 / Сказитель Д. М. Говоров. – Якутск : Бичик, 2010. – 320 с. (На якутском и русс. яз.).
51. Ойунский П. А. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание // Ойунский П. А. Сочинения. Т. 7. – Якутск : Кн. изд-во, 1962. – 224 с.
52. Якутский героический эпос. Могучий Эр Соготох. – Новосибирск : Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1996. – 400 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока ; Т. 10). (На якутском и русс. яз.).
53. Анализ линий митохондриальной ДНК в популяции якутов / Федорова С. А., Бермишева М. А., Виллемс Р. [и др.] // Молекулярная биология. – 2003. – Т. 37. – № 4. – С. 643-653.
54. Константинов И. В. Захоронения с конем в Якутии (новые данные по этногенезу якутов) // По следам древних культур Якутии : Труды Приленской археологической экспедиции. – Якутск : Якутское кн. изд-во, 1970. – С. 183-197.
55. Константинов И. В. Материальная культура якутов XVIII века (по материалам погребений). – Якутск : Якутское кн. изд-во, 1971. – 212 с.
56. Константинов И. В. Происхождение якутского народа и ее культуры // Якутия и ее соседи в древности : Труды Приленской археологической экспедиции. – Якутск : Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1975. – С. 106-173.
57. Гоголев А. И. Отражение ранних контактов древних тюрков в языке и культуре народа саха // Наука и образование. – 2013, № 1 (7). – С. 173-180.

References

1. Meletinsky E. M. *Pervobytnoe nasledie v arkhaiskikh eposakh* [Primeval heritage in archaic epics]. In: *Materialy VII Mezhdunarodnogo kongressa antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk (g. Moskva, 3-10 avgusta 1964 g.)* [Materials of the VII International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences (Moscow, August 3-10, 1964)]. Moscow, Nauka, 1964, pp. 187-193. (In Russ.).
2. *Evenkiiskie geroicheskie skazaniya* [Evenki heroic tales]. Sost. A. N. Myreeva. Novosibirsk, Nauka, 1990, 392 p. (In Evenki and Russ.).
3. *Fol'klor yukagirov* [Folklore of Yukagirs]. Sost. G. N. Kurilov. Moscow, Novosibirsk, Nauka, 2005, 594 p. (In Yukaghir and Russ.).

4. Berezkin Yu. E. *Fol'klorno-mifologicheskie paralleli mezhd u Zapadnoi Sibir'yu, Severo-Vostokom Azii i Priamur'em-Primor'em* [Folklore-mythological parallels between Western Siberia, Northeast Asia and Amur-Primorye]. In: *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2006, No. 3 (27), pp. 112-122. (In Russ.).
5. Levin M. G. *Etnicheskaya antropologiya i problemy etnogeneza narodov Dal'nego Vostoka* [Ethnic anthropology and problems of ethnogenesis of the peoples of the Far East]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1958, 358 p. (In Russ.).
6. Khlobystin L. P. *Pamyatniki sibirskogo Zapolyar'ya i ikh sootnoshenie s kul'turami taezhnoi zony* [Monuments of the Siberian Arctic and their correlation with the cultures of the taiga zone]. In: *Sootnoshenie drevnikh kul'tur Sibiri s kul'turami sopredel'nykh territorii* [Correlation of ancient cultures of Siberia with cultures of adjacent territories]. Novosibirsk, Nauka, 1975, pp. 100-110. (In Russ.).
7. Fedorova S. A., Stepanov A. D., Adoyan M. and others. *Filogeneticheskii analiz linii drevnei mitokhondrial'noi DNK v Yakutii* [Phylogenetic analysis of ancient mitochondrial DNA lines in Yakutia]. In: *Molekulyarnaya biologiya* [Molecular biology]. 2008, vol. 42, No. 3, pp. 445-453. (In Russ.).
8. Sukernik R. I., Crawford M. G., Osipova L. P. and others. *Pervonachal'noe zaselenie Ameriki v svete dannykh populyacionnoi genetiki* [The initial settlement of America in the light of population genetics data]. In: *Ekologiya amerikanskikh indejcev i eskimosev* [Ecology of American Indians and Eskimos]. Moscow, Nauka, 1988, pp. 19-32. (In Russ.).
9. Simchenko Yu. B. *Nekotorye voprosy drevnikh etapov etnicheskoi istorii Zapolyar'ya i Pripolyar'ya Evrazii* [Some questions of the ancient stages of the ethnic history of the Arctic and Sub-Arctic Eurasia]. In: *Etnogenez i etnicheskaya istoriya narodov Severa* [Ethnogenesis and ethnic history of the peoples of the North]. Moscow, Nauka, 1975, pp. 148-185. (In Russ.).
10. Simchenko Yu. B. *Kul'tura okhotnikov na olenei Severnoi Evrazii: Etnograficheskaya rekonstrukciya* [Deer Hunter Culture of Northern Eurasia: Ethnographic Reconstruction]. Moscow, Nauka, 1976, 311 p. (In Russ.).
11. Tugolukov V. A. *Tungusy (evenki i eveny) Srednei i Zapadnoi Sibiri* [Tungus (Evenks and Evens) of Central and Western Siberia]. Moscow, Nauka, 1985, 284 p. (In Russ.).
12. Johelson V. I. *Yukagiry i yukagirizirovannyye tungusy* [Yukagirs and yukagirized tungus]. Novosibirsk, Nauka, 2005, 675 p. (In Russ.).
13. Turaev V. A. *Hozhdenie "vstrech' solncu" v kontekste problem prisoedineniya Dal'nego Vostoka k Rossiiskomu gosudarstvu (XVII-XVIII vv.)* [Circulation "meet the sun" in the context of the problems of the Far East joining the Russian state (XVII-XVIII centuries)]. In: *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* [Vestnik of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences]. 2013, No. 1, pp. 37-47. (In Russ.).
14. Efremov P. E. *Dolganskoe olonkho* [Dolgan olonkho]. Yakutsk, Yakutskoe knizh. izd-vo, 1984, 132 p. (In Russ.).
15. *Istoricheskii fol'klor evenkov. Skazaniya i predaniya* [Historical folklore of the Evenks. Tales and story]. Sost. G. M. Vasilevich. Leningrad, Nauka, 1966, 400 p. (In Russ.).
16. Emelyanov N. V. *Syuzhety yakutskikh olonkho* [Plots of the Yakut olonkho]. Moscow, Nauka, 1980, 375 p. (In Russ.).
17. *Fol'klor dolgan* [Folklore Dolgan]. Sost. P. E. Efremov. Novosibirsk, Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2000, 448 p. (In Dolgan and Russ.).
18. Zakharova A. E. *O mifologicheskikh i skazochnykh motivakh v dolganskom olonkho "Syn loshadi Atalami-bogatyr"* [On mythological and fairy-tale motifs in the Dolgan olonkho "Son of a horse Atalami-hero"]. In: *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii* [In the world of science and art: issues of philology, art history and cultural studies]. 2013, No. 30, pp. 182-187. (In Russ.).
19. Ubryatova E. I. *Yazyk noril'skikh dolgan* [The language of the Norilsk Dolgans]. Novosibirsk, Nauka, 1985, 214 p. (In Russ.).
20. Ivanov S. V. *Ornament narodov Sibiri kak istoricheskii istochnik* [Ornament of the peoples of Siberia as a historical source]. In: *Po materialam XIX - nachala XX vv. narody Severa i Dal'nego Vostoka* [According to the materials of XIX - early XX centuries: peoples of the North and the Far East]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1963, 450 p. (In Russ.).
21. Dyachenko V. I. *Namogil'nye pamyatniki dolgan skvoz' prizmu ikh etnogeneza* [Dolgan gravestones through the prism of their ethnogenesis]. In: *Sibirskii sbornik – I. Pogrebal'nyi obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh*

- territorii v kontekste mifologicheskikh predstavlenii* [Siberian digest – 1. Funeral rite of the peoples of Siberia and adjacent territories in the context of mythological representations]. Saint Petersburg, 2009, pp. 38-44. (In Russ.).
22. Dolgikh B. O. *Proiskhozhdenie dolgan* [The origin of the Dolgans]. In: *Sibirskii etnograficheskii sbornik* [Siberian ethnographic collection]. Moscow, Izd-vo AN SSSR. 1963, vol. 5, pp. 92-141. (In Russ.).
23. Varlamova G. I. “*Zhili eti lyudi, kogda tepereshnyaya Zemlya tol’ko zarozhdalas’...*” [“These people lived when the present Earth was just in its infancy ...”]. In: *Tungusskii arkhaiskii epos* [Tungus archaic epic]. Yakutsk, Severoved, 2001, pp. 3-18. (In Russ.).
24. Varlamova G. I. *Epicheskie i obryadovye zhanry evenkiiskogo fol’klora* [Epic and ritual genres of Evenki folklore]. Novosibirsk, Nauka, 2002, 376 p. (In Russ.).
25. *Dulin buga Torgandunin. Torgandun Srednego mira* [Dulin buga Torgandunin. Thorgandun of the Middle World]. Sost. A. N. Myreeva. Novosibirsk, Nauka, 2013, 856 p. (In Evenki and Russ.).
26. *Tungusskii arkhaiskii epos (evenkiiskie i evenskie geroicheskie skazaniya)* [The Tungus archaic epic (Evenki and Even heroic legends)]. Sost. G. I. Keptuke, V. A. Robbeck. Yakutsk, Severoved, 2001, 209 p. (In Russ.).
27. *Skazaniya vostochnykh evenkov* [Tales of the Eastern Evenkis]. Sost. G. I. Varlamova, A. N. Varlamov. Yakutsk, YaF GU izd-vo SO RAN, 2004, 235 p. (In Russ.).
28. *Epos okhotskikh evenov* [Epic of the Okhotsk Evens]. Sost. J. K. Lebedev. Yakutsk, Yakutskoe kn. izd-vo, 1986, 304 p. (In Russ.).
29. *Sravnitel’nyi slovar’ tunguso-man’chzhurskikh yazykov* [Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages]. Otv. red. V. I. Cincius. Vol. 2. Leningrad, Nauka, 1977, 992 p. (In Russ.).
30. Varlamov A. N. *Ob istorizme fol’klora: po materialam fol’klora evenkov* [On the historicism of folklore: based on Evenki folklore materials]. In: *Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena* [Proceedings of RSPU named after A. I. Herzen]. 2009, No. 107, pp. 112-119. (In Russ.).
31. Vasilevich G. M. *Materialy yazyka k probleme etnogeneza tungusov* [Materials of the language to the problem of ethnogenesis of the Tungus]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR* [Brief reports of Archeology Institute]. Moscow, 1946, vol. 1, pp. 46-51. (In Russ.).
32. Zolotarev M. A. *Novye dannye o tungusakh i lamutakh XVIII v.* [New data on the Tunguses and Lamuts of the 18th century]. In: *Istoriik-marksist* [Marxist historian]. 1938, vol. 2, pp. 79-86. (In Russ.).
33. Fedorova S. A., Sukhomyasova A. L., Nikolaeva I. A. and others. *Allel’nyj polimorfizm gena miotoninproteinkinazy v populyatsiyakh naseleniya Respubliki Sakha (Yakutiya)* [Allelic polymorphism of the myotonin protein kinase gene in populations of the Republic of Sakha (Yakutia)]. In: *Nauka i obrazovanie* [Science and Education]. 2005, No. 2, pp. 59-65. (In Russ.).
34. Varlamov A. N. *Istoricheskie obrazy v evenkiiskom fol’klоре* [Historical images in Evenki folklore]. Novosibirsk, Nauka, 2009, 96 p. (In Russ.).
35. Varlamov A. N. *Specifika istorizma v fol’klоре evenkov* [The specificity of historicism in the Evenki folklore]. Saint Petersburg, Lan’, 2018, 308 p. (In Russ.).
36. Pukhov I. V. *Fol’klornye svyazi Kraynego Severa (epicheskie zhanry evenkov i yakutov)* [Folklore communications of the Far North (epic genres of Evenks and Yakuts)]. In: *Tipologiya i vzaimosvyazi fol’klora narodov SSSR* [Typology and Relations of Folklore of the Peoples of the USSR]. Moscow, Nauka, 1980, pp. 264-281. (In Russ.).
37. *Fol’klор evenkov Yakutii* [Folklore of Evenki of Yakutia]. Sost. A. V. Romanova, A. N. Myreeva. Leningrad, Nauka, 1971, 330 p. (In Russ.).
38. Gatsak V. M. *Poetika epicheskogo istorizma vo vremeni* [The poetics of epic historicism in time]. In: *Tipologiya i vzaimosvyazi fol’klora narodov SSSR* [Typology and the relationship of folklore of the peoples of the USSR]. Moscow, Nauka, 1980, pp. 8-47. (In Russ.).
39. Pukhov I. V. *Yakutskii geroicheskii epos olonkho: Osnovnye obrazy* [Yakut heroic epic olonkho: Main images]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1962, 256 p. (In Russ.).
40. Oyunsky P. A. *Yakutskii geroicheskii epos olonkho “N’urgun Bootur Stremitel’nyi”* [Yakut heroic epic olonkho “Nyurgun Bootur the Swift”]. Moscow, IPTs “DIK”, 2007, 400 p. (In Russ.).
41. *Dzhangar. Kalmyckii narodnyi epos* [Dzhangar. Kalmyk folk epic]. Per. S. I. Lipkina, vst. statiya S. Yu. Neklyudova. Elista, Firm MSP, 2013, 316 p. (In Russ.).
42. Okladnikov A. P. *Istoriya Yakutskoi ASSR* [History of the Yakut ASSR]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1955, vol. 1, 432 p. (In Russ.).

43. Ergis G. U. *Ocherki po yakutskomu fol'kloru* [Essays on Yakut folklore]. Moscow, Nauka, 1974, 404 p. (In Russ.).
44. Varlamov A. N. *Baikal v zachinakh evenkiiskogo eposa: k voprosu ob istoricheskoi prarodine tungusov* [Baikal in the beginnings of the Evenki epic: on the question of the historical ancestral home of the Tungus]. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova. Seriya Eposovedenie* [Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic Studies]. 2019, No. 3, pp. 42-50. DOI: 10.25587//SVFU.2019.16.44313. (In Russ.).
45. *Kyys Debiliye: Yakutskii geroicheskii epos* [Kyys Debiliye: Yakut heroic epic]. Novosibirsk, VO Nauka. Sibirskaya izdatel'skaya firma, 1993, 330 p. (*Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]). (In Yakut and Russ.).
46. Aristov N. A. *Zametki ob etnicheskom sostave tyurkskikh plemyon i narodnostei i svedeniya ob ikh chislennosti* [Notes on the ethnic composition of Turkic tribes and nationalities and information on their number]. In: *Zhivaya starina* [Living Old Times]. 1896, vol. 3-4, pp. 277-456. (In Russ.).
47. Johansen U. *Ornamental'noe iskusstvo yakutov: ist.-etnogr. issledovaniya* [Ornamental Art of the Yakuts: historical ethnographic research]. 2-e izd., dop. Yakutsk, Dani-Almas, 2012, 184 p. (In Russ.).
48. Gogolev A. I. *Arkheologicheskie pamyatniki Yakutii pozdnego srednevekov'ya (XIV-XVIII vv.)* [Archaeological sites of Yakutia of the late Middle Ages (XIV-XVIII centuries)]. Irkutsk, Izd-vo Irkut. un-ta, 1990, 188 p. (In Russ.).
49. Gogolev A. I. *Yakuty: problemy etnogeneza i formirovanie kul'tury* [Yakuts: problems of ethnogenesis and the formation of culture]. Yakutsk, Izd-vo YaGU, 1993, pp. 13-27. (In Russ.).
50. *Nepobedimyi Myul'dzhyu Byogyo = Mul'd'u Bege: olonkho: v 2 kn.* [Invincible Mulju Bogyo: in 2 books]. Dmitry Govorov. Yakutsk, Bichik, 2010, vol. 2, 320 p. (In Yakut and Russ.).
51. Oyunsky P. A. *Yakutskaya skazka (olonkho), ee syuzhet i sodержanie* [The Yakut fairy tale (olonkho), its plot and content]. In: Oyunsky P. A. *Sochineniya. T. 7* [Works. Vol. 7]. Yakutsk, Kn. izd-vo, 1962, 224 p. (In Russ.).
52. *Yakutskii geroicheskii epos. "Moguchii Er Sogotokh"* [Yakut heroic epic. "The Mighty Er Sogotokh"]. Novosibirsk, Nauka. Sibirskaya izdatel'skaya firma, 1996, 400 p. (*Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]). (In Yakut and Russ.).
53. Fedorova S. A., Bermisheva M. A., Willems R., and others. *Analiz linii mitohondrial'noi DNK v populyacii yakutov* [Analysis of mitochondrial DNA lines in the Yakut population]. In: *Molekulyarnaya biologiya* [Molecular Biology]. 2003, vol. 37, No. 4, pp. 643-653. (In Russ.).
54. Konstantinov I. V. *Zahoroneniya s konem v Yakutii (novye dannye po etnogenezu yakutov)* [Burials with a horse in Yakutia (new data on the ethnogenesis of the Yakuts)]. In: *Po sledam drevnikh kul'tur Yakutii (Trudy Prilenskoj arkhologicheskoi ekspedicii)* [Following the traces of ancient cultures of Yakutia (Proceedings of the Prilensky archaeological expedition)]. Yakutsk, Yakutskoe kn. izd-vo, 1970, pp. 183-197. (In Russ.).
55. Konstantinov I. V. *Material'naya kul'tura yakutov XVIII veka (po materialam pogrebenij)* [The material culture of the 18th century Yakuts (based on burial materials)]. Yakutsk, Yakutskoe kn. izd-vo, 1971, 212 p. (In Russ.).
56. Konstantinov I. V. *Proiskhozhdenie yakutskogo naroda i ee kul'tury* [The origin of the Yakut people and its culture]. In: *Yakutiya i ee sosedi v drevnosti: Trudy Prilenskoj arkhologicheskoi ekspedicii* [Yakutia and its neighbors in antiquity: Proceedings of the Prilensky archaeological expedition]. Yakutsk, Izd-vo YaF SO AN SSSR, 1975, pp. 106-173. (In Russ.).
57. Gogolev A. I. *Otrazhenie rannikh kontaktov drevnikh tyurkov v yazyke i kul'ture naroda sakha* [Reflection of the early contacts of the ancient Türks in the language and culture of the Sakha people]. In: *Nauka i obrazovanie* [Science and Education]. 2013, No. 1 (7), pp. 173-180. (In Russ.).